

Александр Савчук

**Дневник
валютчика, или
Одиннадцать
дней из жизни
менялы**

Александр Савчук
Дневник валютчика,
или Одиннадцать
дней из жизни менялы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23463043

ISBN 9785448393525

Аннотация

Счастье для руководителей страны, если они плохо представляют себе, как живут подданные. Потому что если бы державные начальники представляли себе истинную картину и были честными – им пришлось бы немедленно уйти в отставку. Александр Савчук рассказал правду о людях, живущих в тени непродуманных законов и грабительских постановлений – и при этом неплохо себя чувствующих. Он нарисовал истинную картину – к стыду власть имущих и к славе людей предприимчивых. А честности нет ни наверху, ни внизу.

Содержание

Кто я – меняла или валютчик?	5
День первый: Пятница, 23 декабря	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Дневник валютчика,
или Одиннадцать
дней из жизни менялы**

Александр Савчук

© Александр Савчук, 2017

ISBN 978-5-4483-9352-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кто я – меняла или валютчик?

Звание «валютчик», согласитесь, претенциозное, и мне кажется что как-то неверно называть нас, обыкновенных, постсоветских менял, валютчиками. Да, бывали в богатой истории нашей замечательной страны и настоящие валютчики, особенно в 60-е годы 20 века, крупные дела они в свое время вершили, громкие – на всю страну – уголовные дела потом на них заводили власти. Миллионы наших сограждан с задержкой дыхания следили по газетам, как карательные органы жестко и пристрастно раскручивали тех из них, которые попались... Помнится, вначале по закону им светило от 5 до 8 лет лагерей, затем, уже в процессе судилища, по прямому указанию Хрущева судебные власти подняли планку за валюту до 15 (то есть, закон в этом случае имел обратную силу) и, после того, как валютчики во всем сознались и открыли все свои нычки (или почти все), которые, надо признать, составили миллионы и миллионы рублей, а также долларов, весьма надеясь при этом на снисхождение властей, те, подумав хорошенько, решили: а почему бы их не расстрелять? Ну и подогнали новую статью под это дело – расстрельную, и расстреляли, конечно, чего уж там... дело знакомое ещё с не столь давних, сталинских времен, да и палачи, уверен, были те же... Мастера своего дела, профессора заплечных дел, ну а спецы такого профиля всегда вос-

требованы. Тем самым власти создали в народе новый образ врага – своего, внутреннего, припугнув тех, кто ещё только мечтал о наживе. Народ бедствует, дескать, восстанавливая своим горбом страну после такой опустошительной войны, а некоторые, страшно подумать, нашли в экономике государства дыры и теперь качают через них ценности, миллионами ворочают... Конечно, тех ребят надо было в министерства на работу брать, а в начале 21 века они попросту стали бы олигархами, но не случилось, увы, новые экономические явления тогда были еще не востребованы. Их имена были: Ян Рокотов, 33 года, Дмитрий Яковлев, 33 года, Владислав Файбишенко, 24 года. Это тех, что расстреляли.

Сейчас, в середине девяностых, нас, менял, на громадных просторах нашей страны – СССР, теперь уже, конечно, бывшей, многие тысячи, нас можно встретить в каждом городе, городке, даже захудалом поселке, возле рынков, на вокзалах, станциях, около торговых центров, банков, обменных пунктов. В менялы пошли умеющие быстро соображать и считать мелкие фарцовщики, бывшие спортсмены, просто бойкие или общительные парни, которые почувствовали к этому делу призвание, а также шустрые быстроглазые девушки. Работа, скажем так, не пыльная, зато прибыльная, хотя, конечно, где-то и рисковая. И всем менялам, представьте, находится работа. Там, где государство с обменом валют населению не справляется, мы тут как тут. Однако же слово «меняла» на просторах нашей необъятной родины не при-

ЖИЛОСЬ, ТАК ЧТО НАС СТАЛИ НАЗЫВАТЬ ВАЛЮТЧИКАМИ.

День первый: Пятница, 23 декабря

Обо всем этом я думал, пока собирался на работу. Режим дня у меня простой: подъем в шесть утра, семь раз в неделю; мы, заметьте, работаем без выходных, уж я-то во всяком случае. Водные процедуры, умеренные, впрочем, только по пояс, затем одевание, легкий завтрак, чаще всего просто чашка кофе с печенюшкой, и вперед, на «трудовые подвиги». Перед выходом, уже одетый по сезону, а сейчас на дворе декабрь, зима, минус 3—5, если верить прогнозам метеослужбы, делаю последние приготовления: деньги в наружные карманы куртки и за пазуху в потайные карманы разнокалиберными пачками: доллары, дойчмарки, молдавские леи, не так давно введенные вместо купонов, и леи румынские; а еще купоны украинские, рубли российские – и те и другие уже и не деньги совсем из-за высокой инфляции, а так, фантики. Вот такая валюта у нас теперь в ходу. Румынская граница от нашего города всего в четырех километрах, украинская в тридцати, вот и приходится иметь дело с множеством валют. Мне лично так даже интереснее, потому что скучать не приходится.

В руке у меня пакет, наивные люди думают, наверное, что в нем я ношу деньги, много денег... Всегда есть такие, кто наблюдает за нами, немало среди них и тех, кто только и мечтает завладеть чужими деньгами, так как своих нет, и зарабатывать их они не видят возможности... Нет, в пакете этом

я ношу пистолет, причем, боевой, и уже снятый с предохранителя, то есть готовый к стрельбе. «Беретта» называется. А если пистолет не снят с предохранителя, то он не способен, по моему разумению, защитить своего хозяина, ведь иногда всё дело решают секунды, если не доли секунды. Дело в том, что путь от дома до рынка и есть самый опасный в нашей работе, попытки ограблений, удачные и неудачные, чаще всего на этом отрезке и случаются. Уже по приходу на рынок я его ставлю на предохранитель и сую в подмышечную кобуру, так как на рабочем месте, в толпе народа стрелять вряд ли придется. Еще один пистолет, газовый, я сую в карман куртки. Под левую руку, так как я левша. Это так, для острастки, я, как и многие другие понимаю, что в серьезном деле такой пистолет не поможет, зато на него у меня имеется разрешение, в отличие от боевого. Даже если кто и увидит у меня газовик, или, случайно, боевой пистолет, так пожалуйста, документ-разрешение есть.

На часах без четверти семь, пора. Обнимаю супругу, легко целую в шелковую щечку сонную, только что проснувшуюся дочь. Через полчаса я их увижу вновь, они будут идти в школу, наша дочь первоклассница. Подхожу к двери – внимание! Наша девочка уже приучена убегать к этому моменту в спальню, супруга остается сбоку, в руках у нее взведенная двухстволка-вертикалка, подарочный вариант, заряды в обоих стволах – крупная дробь. Моя жена прекрасно стреляет, мы регулярно, раз в неделю, тренируемся на при-

роде, а дополнительная подстраховка не мешает. Можно подумать, что мы перестраховываемся, или у нас синдром страха какой-то, однако вы эти годы вспомните только, и всё вам покажется логичным. Импортный оптический панорамный глазок, обошедшийся мне весьма недёшево, в который видна целиком вся лестничная клетка, показывает что путь свободен, и я открываю замок двери, затем снимаю цепочку. Выйдя, захлопываю ее на автоматический замок, и быстрым шагом спускаюсь вниз. На втором этаже у одной из дверей топчется незнакомый мне молодой человек. Я, слегка настороженный, просовываю руку в пакет и обхватываю ладонью прохладную рубчатую рукоятку. Теперь ствол своим чёрным отверстием направлен на возможную цель. Мне не хочется быть мишенью или объектом ограбления, поэтому я в подобных случаях сам держу незнакомых и подозрительных мне людей на мушке. Парень на мои шаги не поворачивается, и я, не спуская с него глаз, сбегая вниз и выхожу на улицу. Моя супруга теперь уже с балкона контролирует мои передвижения, я на ходу приветливо машу ей рукой.

Пять-шесть минут бодрой ходьбы, во время которой я стараюсь не сближаться с кем-либо из прохожих, и, тем более, группами людей, и вот я уже подхожу к рынку. Рынок сегодня это не просто базар, как прежде, нынче, в постсоветские годы он всосал в себя все: теперь здесь сконцентрирована почти вся деловая жизнь города: тут покупаются продукты и одежда – оптом и в розницу, заключают сделки, на-

значают деловые свидания, а также любовные и всё такое прочее. В городе практически не действует общепит, закрыто множество промтоварных магазинов, а также базы и прочие предприятия торговли, теперь все переместилось сюда. Центром местной жизни нынче является рынок, разросшийся за последние пару лет в несколько раз и выплеснувшийся за его пределы в городские кварталы. Сегодня рынок для многих – это место выживания. Теперь здесь ничего государственного, всё частное. И все мы – граждане Молдовы – в равных условиях. Будто бы. И не поспоришь ведь, потому что не с кем. На рынке вращаются люди разных мастей: челноки – наши, местные, везущие товары из Румынии, Турции, Москвы, Одессы. Еще челноки везущие продукты – из Кишинева, Одессы, из Румынии, до которой рукой подать, граница в трех километрах. А также тут имеются мастеровые, колхозники, кооператоры, мелкие дельцы, частники со своей продукцией, перекупщики всего что возможно, торговли семечками, а также инвалиды и нищие, ну и проститутки – всем на рынке находится место, каждый занял свою нишу. Тут же, на рынке вертится и основная группа валютчиков – всего же в городе нас 22 человека. Это, так сказать, профессионалы, не считая любителей. Более чем достаточно для тихого городка с 40-тысячным населением, но что поделаешь, стихия, и не в моих силах регулировать их количество, хотя, конечно, такое широкое сообщество коллег меня раздражает. Из рук людей, желающих обменять валюту,

эти хлопцы доллары вырывают, буквально за карман хватают, безобразие, одним словом. И вот недавно на рынок приехал прокурор города, и, видимо, в силу давнего знакомства, позвал меня к машине и заявил, что отныне именно я отвечаю за валютное регулирование в городе и вообще за порядок в этом деле, мол, если от населения будут поступать жалобы на обманы в покупке-продаже валют и прочее, то я буду нести за это личную ответственность. На что я фыркнул и сказал, что не могу отвечать за деятельность десятков человек, не говоря уже о сотнях торговцев, так как каждый здесь сам по себе. Тогда прокурор не поленился вылезти из машины и подойти к толпе, где крутились многие из наших. Там он повторил свои слова, чтобы и другие слышали, а также добавил, что раз в месяц его водитель будет приезжать сюда за определенной суммой, так сказать, на бензин. То есть, предложил нам сбрасываться. По ходу дела отрекетировал, блин. И тут же уехал. С тех пор коллеги меня регулярно подкалывают, как только завидят машину прокурора, мол, дружбан мой приехал, но мои просьбы и команды выполняют беспрекословно, помнят, что прокурор говорил. А он тогда еще сказал, что деликатничать с нами не станет, а попросту будет сажать, если понадобится, а вот разговаривать, мол, станет только со мной, остальных же и знать не желает. Ему можно верить, он если даст команду, толпа голодных ментов тут же накинется на нас, валютчиков, которые, кстати, меняя валюту, каждый раз нарушают закон, еще ни-

кем не отменённый (статья 88 УК РСФСР, но подходит и для Молдовы), и всех препроводят в ментовку или ещё куда...

Я подхожу к своему магазинчику, если можно так выразиться. К универмагу, соседствующему с рынком, к его левой стене примыкают пристроенные еще в советское время открытые прилавки, для выездной, как я понимаю, торговли. Тут в известные, еще не столь далекие времена изредка «выбрасывали» кое-какие товары. С началом «дикой» торговли я тут и обосновался, это было еще в 1989 году. С тех пор и торгую здесь, владея тремя погонными метрами стола, за которые ежедневно плачу налог. Копеечный, конечно, но он всё время растет, гонясь за инфляцией. Никто мое место не занимает, или же мгновенно освобождают, когда я появляюсь, уважают как первого человека, начавшего здесь торговать, хотя за другие торговые места, а их тут всего десятка два, ведутся постоянные споры.

Володя, мой продавец, уже на месте, раскладывает и развешивает товар, а еще через несколько минут должна подойти второй продавец, старший – моя мама. Товар у меня обыкновенный – уже шестой год я торгую женскими блузками, теми, что пошивают в Одессе, в кооперативе, «под тайландские», разноцветные, в черный и белый горошек, пяти-шести моделей и всех размеров, в холодное время года к ним добавляются мужские куртки – «аляски»; иногда также турецкие джинсы и свитера. И еще кое-какие мелкие товары: ремни – мужские и женские всех размеров, расцветок

и моделей, заколки-украшения для волос и прочее. Магазин у меня теперь уже больше как прикрытие, чем источник доходов, хотя случаются дни, что он приносит больше дохода, чем валютные операции. Я подсчитал что за последние несколько лет уже не менее трёхсот раз ездил в Одессу за товаром, нередко каждая такая поездка забирала у меня два дня. Приезжал в свой родной город автобусом около полуночи, выгружал прямо у дороги, затем до половины второго переносил товары, – а это обычно были десятки коробок, мешков, ящиков, – к себе домой; а после в шесть утра вставал, нагружал на плечи связки с товаром и шел на рынок, расположенный не менее чем в километре от дома. За этот период простудился – сквозняки в автобусах – не менее 50 раз, и однажды даже заработал воспаление среднего уха, то есть оглох на правое ухо, которое затем года полтора лечил. Я бы ни за что не занялся валютой, если бы магазин приносил стабильный доход, но со временем создавшаяся на нашем рынке и всё возрастающая конкуренция подкосила мой «бизнес»: те самые люди, которых я буквально «за ручку» привел за собой на этот рынок, уже через пару лет буквально «задавили», выжали меня с него. Это были так называемые «семейные мафии» из Готешт, Рошу, Московей и еще некоторых ближайших сел. Они сбились в группы – по десять и более человек, объединили капиталы, нажитые и одолженные, и стали закупать в Турции и Румынии товары по оптовой цене, которая мне была не по зубам, так как я работал в одиноч-

ку и с небольшим капиталом. Они и теперь торгуют рядом со мной, те, кого я за ручку привёл на рынок – Оля, Нина Гребешкова и Паша – к сегодняшнему дню настоящие воротилы местного рынка. С двумя последними всего несколько лет назад, до развала Союза, я работал в одном овощном магазине. Чуть дальше стоит Серега, весельчак и балагур, он торгует джинсами, аудио- и видеокассетами, всевозможной мелочёвкой, а также вибраторами и резиновыми фаллосами, которые прячет на столе среди других товаров, а иногда, ради смеха, вставляет их в zipper (змейку) джинс. Все эти ребята теперь были моими конкурентами.

Вот потому-то и пришлось мне заняться валютой, хотя я и понимал, что это будет опасно, так как в руках у валютчиков, и все это понимают, сосредоточены порой немалые суммы, специфика у нас такая – работа с наличкой. То есть я валютчик по необходимости.

Поначалу проблема у меня была в том, чтобы эти самые деньги где-то взять, то есть одолжить. И одалживал: под проценты, и, как правило, под немалые, до пяти процентов в месяц. Это если считать в валюте. То есть если взял у людей десять тысяч долларов, будь добр верни через год шестнадцать тысяч. И брал ведь. И возвращал, естественно. И никого не волновало, осталось что-нибудь у тебя на руках в результате такого бизнеса, или нет...

А вот и мама моя, шагает бодренькой походкой, а ведь ей уже под семьдесят. Я ее в качестве продавца эксплуатирую

круглый год, весь товар у нее дома держу, и порой его там столько, что пройти в квартире-двушке негде, сплошь тюками и ящиками все заставлено. Ее квартира теперь словно склад промышленных товаров, приготовленных к реализации, а заодно и продовольственных, но то уже для собственного пользования, об этом как-нибудь позже. Обнимаю маму, попутно даю ей ценные указания по работе. А наметанным глазом не забываю скользить по толпе людей, что постепенно собирается у входа на рынок. Валютчиков тут скопилось тоже немало, уже десятка полтора, хотя сегодняшней день, казалось, нам никакой особой работы не предвещает. Когда происходят перепады валют, что случается не так уж часто, у нас больше работы, люди избавляются от какой-либо из валют, которая по каким-то объективным или субъективным причинам объявляется нестабильной. А она вся нестабильная, исключая, пожалуй, его величество доллар, хотя и он, случается, падает по курсу в цене. Моё семейство – супруга и дочь – прошагали по рыночной улице, направляясь в школу, приветственно помахали мне руками. Я помахал в ответ и потопал к расположенной поблизости кафешке выпить чего-нибудь горяченького. Ко мне по дороге присоединился Иван Чекан, мой коллега и одновременно главный соперник по бизнесу. Он молод – 22 года, однако в бизнесе агрессивен и чертовски сообразителен. Такого лучше иметь партнером, чем конкурентом (так, я знаю, рассуждает и сам он по отношению ко мне), поэтому мы являемся друг другу

одновременно и теми и другими. Кроме кофе с пирожными мы, борясь с холодом, пропускаем по рюмке коньяку, что, кстати сказать, случается не так уж часто. И дело, конечно, не в деньгах, мы себе можем это позволить, просто в нашей работе весьма важно быть трезвым. Затем мы с Иваном расстаемся, не забывая обменяться колкостями, что в течение дня случается, бывает, с десятков, а то и более раз.

Вхожу на территорию рынка. Обычно мы, валютчики, располагаемся у входа на рынок, и большинство наших клиентов знает, где нас искать, но вчера вечером, как я узнал, на рынок прибыли четыре грузовика с картофелем, поэтому я двигаю туда. В городе, следует уточнить, созданся дефицит этого весьма важного продукта. И приехавшие соседи из Украины были тут как нельзя кстати.

Классические сельские украинцы, чем-то напоминающие тех самых казаков, пишущих письмо турецкому султану со всемирно известной картины, представшие перед моими глазами, явно были чем-то расстроены и озадачены.

– Че не торгуем, граждане украинские друзья? – приветливо обратился я к ним.

– Да вот кумекаем, может, в другое место подадимся, – недовольно отозвался один из них, носивший огромную грузинскую кепку.

– А чего так? – оглядел я торговцев.

– Да ведь эти хлопцы не дадут нам работать, – после паузы, во время которой на его простом лице отразилась вся

гамма чувств, сказал все тот же мужик. Он кивнул в сторону, где в двух десятках шагов от машин на ящиках сидели шестеро молодых мужиков.

– Говорят, они рэкетеры местные. Деньги, мол, наперед мы должны заплатить, с каждого по сто долларов.

– Да-а? – спросил я. – Долларов, говорите? Понятно. Значит так, хлопцы. Вы начинайте торговать, а я этот вопрос урегулирую. Все, открывайте торговлю. Торгуйте только на леи. Молдавские, поняли, а доллары и прочую валюту ни у кого не берите. Доллары я вам сам потом по хорошему курсу обменяю, я лично и никто другой. Вопросы есть?

– Да, – отозвался один из мужиков. – С этими-то парнями как быть?

– С этими, я сказал, сам разберусь и всё улажу, теперь это не ваша забота, – жестко ответил я и направился к группе «рэкетиров».

Встретили меня неприветливо. Двое-трое кивнули, остальные глядели насупившись, из-под бровей. И как они кучкуются, эти бездельники, по интересам, что ли? Все эти парни были типичными неудачниками, безинициативными, асоциальными и большими любителями выпить. Трое из них в разводе, дети в неполных семьях растут без отцов, двое, насколько я помню, вообще женаты не были несмотря на возраст – за тридцать. Один вроде женат, но с женой я его никогда не вижу, вечно он около рынка трется. Любой из них не прочь украсть что плохо лежит, но на крупную кражу

не решатся, боятся последствий. Трусоваты, нагловаты, вороваты, в общем – отчепенцы общества. Тем более современного, когда всё смешалось в нашем «королевстве». Трудиться не хотят, хотя бог силой и здоровьем ни одного из них не обделил.

– Значит так, пацаны, – начал я. – Этих картофельников не трогать. Ваши мамы уже мозги себе высушили, не зная чем вас кормить, так как завоза картошки в наш город не было уже давно. Государственных поставок теперь не предвидится, а этот завоз дело случая. Теперь вот повезло нам, вам, городу, привезли нужный товар – и что? Вы решили на них наехать. Бездумно, с бухты-баряхты. Ну, уедут они в другой район, обидятся на нас, что тогда жрать будем? Как до весны выживать? Короче, ребятки, оставьте их в покое, пусть торгуют, это не ваш уровень, а стратегический, государственный.

– То есть твой, что ли? – угрюмо спросил один из парней.

– Говорю тебе, стратегический! – уточнил я. – Кто не понял, ко мне подойдите позже, растолкую персонально.

С этими словами я ушел. Конечно, ссориться с этим быдлом не хотелось, но они действительно мешают бизнесу и тем самым создают всем проблемы. Если что, заупрямятся, начнут возбужать, то я нашему крышевателю Мишане скажу, пусть их утихомирит, а то ведь парни-то голодные, злые, но трудом или головой зарабатывать бабки не умеют. Или не хотят. Всем им, повторюсь, немногим больше тридцати,

но, сколько я помню, никогда они не стремились заработать, разве что украсть, закалымить любым образом, чтобы было на что выпить и погулять.

У входа на рынок меня, оказывается, заждались. Это бывший секретарь райкома партии Степан Братко.

– Ты где болтаешься, Савва, почему на своем рабочем месте не находишься? – шутливо спрашивает он, отзывая меня в сторону; мы ждем друг другу руки.

– Так вот, не имею постоянного места работы, – пожаловался я. И добавляю шутливо: – Может у тебя где-нибудь тепленькое местечко для меня найдется?

– Вот выиграю выборы на мэра города, там и посмотрим, – отвечает он без улыбки, и я понимаю, что он это говорит всерьез. И продолжает: – У меня к тебе вот какой вопрос, Савва. Машину у меня сегодня ночью угнали, «Мерседес». Можешь помочь?

– Да ты что? – откровенно удивился я. – Надо же, у тебя украли. – Степа хоть и бывший, но все же один из руководителей района, фигура в нашем городе весьма заметная. К тому же рвется на выборы, того и гляди, вновь будет у власти. Мэром города, или гляди выше, руководителем района. Да, ни страха нынче у наших воров, ни совести.

– Я, если хочешь знать, на Севере несколько лет честно отгорбатил, чтобы приличную машину купить. Одиннадцать штук зелеными за нее отдал. Жалко очень. – Степа казался серьезно расстроенным.

– Хорошо, я провентилирую этот вопрос, Степа. Ты мне вечером позвони, вот тебе моя визитка с телефоном, только позвони обязательно. Я тебе скажу, какие в этом деле перспективы, и есть ли у нас, то есть у тебя, шансы.

На этом мы расстались, и я слился с толпой у входа. Пошла обыкновенная рутинная работа: ты-мне: доллары, марки, другую валюту, я тебе – леи. Или наоборот. Работал, можно сказать, на ходу отсчитывая деньги, хотя для солидных клиентов у нас имелась внутри рынка этакая каморка, размером метр на два, с металлической дверью и засовами изнутри и снаружи. Предусмотрительность не помешает. Ещё и второго валютчика за дверью ставили, для подстраховки. Окна там нет вовсе, над маленьким столиком горит сильная лампа, при свете которой малейший изъян на любой купюре сразу виден, что тоже немаловажно.

А вот и «жирный» клиент – Василий. Я поджидаю его не беспокоясь, что его перехватят, так как он имеет дело только со мной. Конечно, мы, валютчики, между собой конкурируем, бывает, что и крепко, однако, когда клиента нельзя упустить, и куш светит каждому из нас, мы все заодно, набрасываемся на него, словно ястребы на добычу, или стая акул на раненого морского льва. Сегодня Василию необходимо купить шесть тысяч долларов. У меня в наличие три, еще три предлагаю собрать коллегам. Иные отходят в сторону, их не устраивает цена, другие пошли готовить сумму к отдаче. Каждый из нас работает на свою, конкретную сумму, неко-

которые имеют на руках всего по несколько сотен долларов, собранные, одолженные или каким-то образом заработанные. Такие как Иван, Петро и я работаем с суммами в несколько тысяч. На сумму в 300—400 долларов, чем распоряжаются некоторые из нас, можно за месяц наварить 30—70 зеленых, с суммой в десять раз больше соответственно от тысячи до двух, но, конечно, не в математической прогрессии. И всё это, напоминая, ребята делают на свой страх и риск. Оно вроде не много, но надо учитывать, что пенсии в этот период были от 8 до 12 в месяц в долларовом эквиваленте, а зарплаты от 10 до 25, то и это считалось уже достойным заработком.

Спустя час, когда в работе наметился некоторый спад, я вновь зашел на рынок, торговля картофелем с машин шла вовсю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.